

жизни афро-американской общины, о религии, о музыке и песнях, о стремлении к грамотности, к свободе. Эти документальные свидетельства раскрывают не только историю афроамериканцев, но и историю Юга и всей страны.

Из авторов «невольничьих повествований» сформировались и первые афро-американские историки Дж. У. С. Пеннингтон [Pennington 1841], У. У. Браун, авторы трудов по истории афроамериканцев. Так, У. У. Браун не только автор двух редакций «Повествования», путевых очерков, первого афро-американского романа и первой афро-американской пьесы, но и исторических трудов «Чернокожий человек, его происхождение, его одаренность и его развитие» (*The Black Man, His Antecedents, His Genius, and His Achievements*) [Brown 1863], «Негр в американском восстании: его героизм и его преданность» (*The Negro in the American Rebellion: His Heroism and His Fidelity*) [Brown 1867], «Поднимающийся сын, или происхождение и развитие цветной расы» (*The Rising Son; or, the Antecedents and the Advancement of the Colored Race*) [Brown 1874]. Последняя его работа – «Мой южный дом, или Юг и его народ» (*My Southern Home: or, the South and Its People*) [Brown 1880] – синтез всех жанров в его творчестве: «повествования», путевого очерка, романа, драмы и исторических работ.

«Невольничьи повествования» – важнейшие исторические документы эпохи рабовладения, повествующие абсолютно обо всех сторонах жизни в рабстве и борьбе рабов за свободу. Без них не могут быть воссозданы подлинная история США в XVIII–XIX вв. и история рабства.

Список литературы

Виктор Дубакин – Виктор Ардов. Мейерхольд – «великий и ужасный»... Устные воспоминания писателя Виктора Ардова о В. Э. Мейерхольде / вступительная статья и публикация Н. Панькова // *Вопр. лит.* 2008. №4. С. 296–331.

Манн Т. Иосиф и его братья: доклад / пер. с нем. Ю. Афонькина // Манн Т. *Собр. соч.*: в 10 т. М., 1959–1961. Т. 9. С. 172–191.

Berlin I. *Many thousands gone: the first two centuries of slavery in North America*. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard University Press, 1998. x, 497 p.

Berlin I. *American slavery in history and memory*. Gettysburg, Pa.: Gettysburg College, 2001. 26 p.

Berlin I. *Generations of captivity: a history of African American slaves*. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard University Press, 2003. ill, 374 p.

Berlin I. *American slavery in history and memory and the search for social justice* // *The Journal of American history*. March 2004. Vol. 90, No. 4. P. 1251–1268.

Blassingame J.W. *The slave community: plantation life in the antebellum South*. New York etc.: Oxford University Press, 1972. xv, 262 p.

Blassingame J. W. *Using the testimonies of ex-slaves: approaches and problems* // *The slave's narrative* / ed. by Ch.T.Davis, H.L.Gates, Jr. Oxford; New York, 1985. P. 78–98.

Brown W. *The Black man, his antecedents, his genius, and his achievements*. New York: Thomas Hamil-

ton; Boston: R.F.Wallcut, 1863. 288 p.

Brown W.W. *Clotel; or, The President's daughter: a narrative of slave life in the United States, with a sketch of the author's life*. London: Partridge & Oakey, 1853. viii, 245 p.

Brown W.W. *The escape; or, A leap for freedom: a drama in five acts* / ed. with an introduction by J. Ernest. Knoxville: University of Tennessee Press, 2001. li, 54 p.

Brown W.W. *The Negro in the American rebellion: his heroism and his fidelity*. Boston: Lee & Shepard, 1867. xvi, 380 p.

Brown W.W. *The rising son; or, the antecedents and the advancement of the Colored race*. Boston: A. G. Brown & Co, 1874. ix, 552 p.

Brown W. W. *My Southern home: or, the South and its people*. Boston: A.G.Brown & Co., 1880. viii, 253 p.

Douglass F. *The heroic slave* // *Autographs for freedom* / ed. by J. Griffiths. Boston; Cleveland; London, 1853. P. 174–239.

Families and freedom: a documentary history of African-American kinship in the Civil War era / ed. by I.Berlin, L. S.Rowland. New York: The New Press, 1997. xx, 259 p.

Free at last: a documentary history of slavery, freedom, and the Civil War / ed. by I. Berlin...[et al]. New York: The New Press, 1992. xxxiii, 571 p.

Genovese E.D. *Roll, Jordan, roll: the world the slaves made novese*. New York: Random House, 1974. xxii, 823 p.

Jackson M.Y. *The struggle for freedom: phase I as revealed in slave narratives of the pre-Civil War period (1840-1860)*. Chicago: Adams Press, 1976. xiv, 275 p.

Lay my burden down: a folk history of slavery / ed. by B.A.Botkin. Chicago, Ill.: University of Chicago Press, 1945. xxi, 286 p.

Peabody E. *Narratives of fugitives slaves* // *The slave's narrative* / ed. by Ch.T.Davis, H.L.Gates, Jr. Oxford; New York, 1985. P. 19–28.

Pennington J.W. C. *A textbook of the origin and history of the Colored people*. Hartford, Conn: L. Skinner, 1841. 96 p.

Phillips, U. B. *Life and labor in the Old South* / new introduction by J. D. Smith. Columbia, S. C.: University of South Carolina, 2007. lix, 375 p.

Remembering slavery: African Americans talk about their personal experiences of slavery and emancipation / ed. by I. Berlin, M. Favreau, and S. F. Miller. New York: New Press; Washington, D. C.: Library of Congress, 1998. lii, 355 p.

Slave testimony: two centuries of letters, speeches, interviews, and autobiographies / ed. by J.W.Blassingame. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1977. 777 p.

М.В.Цветкова, А.С.Волгина (Нижний Новгород) ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО АНГЛИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ С РУССКИМИ ПОЭТАМИ

В 20-е годы XIX века в европейских литературных кругах усилился интерес к молодой русской поэзии. Одно за другим появились собрание русской

лирики в немецких переводах, составленное и переведенная Карлом Фридрихом фон дер Боргом и Петером Отто Гетце, а также «Русская антология» Дюпре де Сен-Мора во Франции. Первым опытом знакомства англоязычного читателя с русской поэзией стала, видимо, антология «Specimens of the Russian Poets» (1821–1823). Ее составитель, Джон Боуринг (John Bowring, 1792–1872), дипломат, экономист и литератор, был переводчиком-гиперполиглотом, выпустившим в свет около десятка антологий поэзии разных, преимущественно восточнославянских народов.

Боуринговская Русская антология поражает как шириной охвата русской поэзии XVIII – начала XIX в. (в оглавлении 13 авторов: Державин, Батюшков, Ломоносов, Жуковский, Карамзин, Дмитриев, Крылов, Хемницер, Бобров, Богданович, Давыдов, Костров и Нелединский-Мелетский; и дополнительный раздел «народные песни»), так и обстоятельностью историко-литературного комментария. В духе времени книге предпосланы «предупреждение» и посвящение, в которых переводчик-составитель поясняет, что цель ее – «представить в ее своеобразии одну ветвь нарождающейся литературы необычайной и мощной нации» [Bowring: 1822: iii] (пер. – А.В.). Во вступлении, занимающем 22 страницы, Боуринг создает широкий историко-культурный, лингвистический, фонетический и даже стиховедческий фон для восприятия русской поэзии английским читателем. Он сразу признается, что изначальной задачей его было создание «общей истории русской литературы». Однако затем он избрал более скромную цель: привлечь внимание английского читателя к небольшому собранию переводов, в случае успеха которого можно будет взяться и за всеобъемлющую работу.

Первый раздел предисловия – краткая история русской поэзии от Ломоносова до Батюшкова с биографическими сведениями, ссылками на русские издания, справками о жанровых предпочтениях писателей и их оценке в отечественной критике. Этот раздел – уникальный документ эпохи, фиксирующий европейский взгляд на расстановку сил в русской литературе к 20-м гг. XIX в. «Отцом русской поэзии» назван Ломоносов: показательно, что Кантемир, не создавший метрической традиции, не упомянут вообще, несмотря на европейскую известность. Сумароков – «соперник Ломоносова», по мнению издателя антологии, в значительной степени отошел на второй план и был превзойден Фонвизиним. Херасков, напротив, представлен как лирический поэт первого ряда. Боуринг проявляет замечательный вкус, отдавая первое место среди всех русских поэтов своего времени Державину: чтобы создать представление о державинском стиле переводчик проводит параллель с Клопштоком, полагая, видимо, что творчество последнего хорошо известно английскому читателю. Богдановича, вероятно, с той же целью он рекомендует как «русского Анакреонта». Вместе с тем, рядом с именами поэтов, хорошо известными по сей день, Боуринг упоминает и те, что ныне известны преимущественно специалистам по литературе XVIII в., – это и понятно: срав-

нительная ценность литераторов современникам видится иначе, нежели потомкам. Так в антологию попадают Семен Сергеевич Бобров и Ермил Иванович Костров: первого Боуринг хвалит за начитанность в европейской поэзии, а второго за переводы (которые и в России на тот момент ценятся даже выше карамзинских). Вообще перевод как литературное занятие поэтов-современников всегда привлекает внимание Боуринга, а переведенность произведений на европейские языки служит для него своеобразным критерием качества оригинала.

Список «ныне живущих» поэтов возглавляет Карамзин – «самый успешный и самый популярный» из всех, создатель истории России, которая оказалась достойна перевода на иностранные языки. Говоря о русских баснописцах – Сумарокове, Хемницере, Крылове и Дмитриеве – переводчик, вопреки современному видению вопроса, выделяет Дмитриева, с его «легким, гармоничным и энергичным» стилем, зато о Крылове среди прочего сообщает, что тот переводит Геродота. В параграфе о Жуковском также в первую очередь упоминаются его «переводы исключительного совершенства». Перечень «наиболее замечательных русских поэтов» завершает Батюшков. Надо отметить, что более молодые поэты (и в их числе Пушкин, который к моменту создания антологии уже несколько лет как признан Жуковским «учеником-победителем»), вовсе выпадают из поля зрения английского переводчика.

Отдав дань русским поэтам, Боуринг создает краткую декларацию своих переводческих принципов и посвящает читателя в некоторые тонкости своей деятельности: работа с чужим алфавитом, необходимость встать вровень с творцом не только по содержанию, но и по выражению поэтических идей и образов. В отличие от своих русских коллег, всерьез полагающих себя «соперниками» автора, Боуринг имеет в виду лишь «стать честным, добросовестным переводчиком» и утверждает, что даже «метр оригинала в целом был сохранен» [Bowring: 1822: xxi].

Замечательной иллюстрацией тому, как творческое кредо Боуринга воплощается на практике может послужить перевод уже самого первого стихотворения, открывающего сборник – «Бог», принадлежащего перу Державина. В то время, когда Боуринг создает свои переводы, английская и русская поэтические традиции еще очень близки в сравнении с тем, как далеко они разойдутся к сегодняшнему дню, когда в англоязычной поэзии возобладает свободный нерифмованный стих, а русская поэзия по-прежнему будет пользоваться силлабо-тоникой, ведя поиск новых возможностей внутри этой системы стихосложения. Перевод Боуринга выполнен ямбом, как и стихотворение Державина. Однако в русском стихотворении это ямб 4-х стопный, а в английском – 5-ти стопный. Подобная функциональная замена вполне оправдана, поскольку 5-ти ст. ямб в качестве долгого стиха является самым популярным метром в англоязычной поэзии, начиная с Чосера. В одической же поэзии русского XVIII в., как «торжественной», так и «духовной», к которой относится анализируемое стихотворение, без-

раздельно господствовал 4-х ст. ямба в сочетании с десятистишной строфой [Гаспаров: 1984: 55–56]. И в оригинале, и переводе чеканный строй ямба «разряжается» пиррихиями. Особенно гладко построена в этом отношении первая строфа Державина, где в восьми строках из десяти пиррихии возникают в третьей стопе, и только в седьмой и заключительной (десятой) строке происходит ритмический сбой: седьмая строка написана чистым ямбом, а в десятой пиррихий перенесен во вторую строку. По наблюдению М.Л.Гаспарова, в русской поэзии XVIII столетия это типичный для 4-х стопного ямба ритм пиррихийев:

О ты, пространством бесконечный,	х – х – xxx - х
Живый в движеньи вещества,	х – х – x xx –
Теченьем времени превечный,	х – х – xxx - х
Без лиц, в трех лицах божества!	х – х – xxx -
Дух всюду сущий и единый,	х – х – xxx - х
Кому нет места и причины,	х – х – xxx – х
Кого никто постичь не мог,	х – х – х – х -
Кто все собою наполняет,	х – х – xxx - х
Объемлет, зиждет, сохраняет,	х – х – x xx - х
Кого мы называем: Бог	х – xxx – х –

Таким образом, державинская первая строфа задает всему последующему стихотворению медитативный тон, характерный для жанра «духовной» оды». Кроме того, обильные упорядоченные пиррихии создают у Державина еще один интересный эффект: заданная в начальных ямбических стопах ритмическая инерция рождает ощущение неожиданного «зияния пустоты», «воздушной ямы», «провала в бездну и парения над нею». В последующих строках строчки с пиррихиями чередуются с целыми рядами строк, написанных чистым пятистопным ямбом. Однако время от времени автор вновь возвращается к заданному в начале стихотворения ритму, облегчая третью стопу в пространных пассажах.

В переложении Боуринга строки чистого ямба тоже перемежаются облегченными стопами. Однако появление пиррихийев неупорядочено, они рассыпаны по тексту хаотично: возникают то в третьей, то во второй, то в первой стопе. А иногда ямбические стопы в начале строки сменяются хорейческими (явление обычное для английского ямба, отличительной чертой которого М.Л.Гаспаров считает вольность в использовании сверхсхемных ударений, вызванную к жизни самой фактурой языка [Гаспаров 1989:185–186]). В русском стихе XVIII в., с его требованием метрической жесткости начала и конца стихотворной строки, появление хорейческих стоп в этих позициях было немислимо:

O Thou eternal One! whose presence bright
х – х – х – х – х -
All space doth occupy, all motion guide;
х – х - х х х – х –
Unchanged through time's all-devastating flight
х – х – xxx – х -
Thou only God! There is no God beside!
х – х – xxx – х -
Being above all beings! Mighty One!
- х х - х – х -
Whom none can comprehend and none explore;
х – xxx – х – х -

Who fill'st existence with Thyself alone :
х – х – xxx – х -
Embracing all, – supporting, – ruling o'er, –
х – х – х – х – х -х
Being whom we call God – and know no more!
– х х - - х – х -

В переводном стихотворении вместо десятистрочной строфы с рифмовкой ababccdeed, типичной для русской оды, появляется строфа, состоящая из девяти строк с рифмовкой ababcdcdd. Причина подобной замены, по-видимому, кроется в том, что десятистрочная строфика в английской поэзии практически не встречается: в немногочисленных примерах (“Ode to Himself” Бена Джонсона или “The Sun Rising” Джона Донна) использована другая рифмовка и варьируется длина строк, к тому же приведенные примеры принадлежат к разряду стихов шуточного характера и вряд ли могли послужить образцом для Боуринга при переводе философской оды. Более всего строфическая организация английской версии Державина напоминает знаменитую спенсерову строфу, которой написана “The Fairie Queene”: девять строк пятистопного ямба с рифмовкой ababbcbcc. Если подобная параллель справедлива, остается загадкой, почему Боуринг, переводя на родной язык оду, решил воспользоваться строфикой, прочно связанной в английской поэтической традиции с жанром эпической поэмы.

Отличает переводной текст от оригинала также и то, что в нем строчки за счет фразового членения нередко интонационно и ритмически разделяются на полустихия. В переводе первый же стих начальной строфы ритмически распадается на два полустихия в результате использования восклицательного знака, причем за этим следует синтаксический перенос: «O Thou eternal One! whose presence bright / All space doth occupy, all motion guide...» Таким образом, первая строфа боуринговского стихотворения задает принципиально отличную от оригинала ритмическую и интонационную структуру – структуру остроумного монолога, обращенного к читателю, столь характерную для английских поэтических трактатов начала XVIII в.

Возможно, именно такого рода неосознанная жанровая переориентация текста провоцирует Боуринга на изменение пунктуации – обилие восклицательных знаков (даже в середине строки, что в оригинале встречается крайне редко), которое разрушает интонацию тихого размышления, свойственную русскому стихотворению. Вообще такая инновация неожиданна для английской поэзии, где частотность восклицательных знаков традиционно намного ниже, чем в русской. Можно предположить, что Боуринг, сам того не осознавая, стремится в большей степени апеллировать к читателю, ищет в нем непосредственного эмоционального отклика. Можно увидеть здесь влияние литературного процесса: перевод классицистического текста 1780–1784 гг. выполнен в эпоху предромантизма, когда меняется отношение к индивидуальному началу, и даже в сдержанной английской поэзии значительно усиливается накал страстей.

Вероятнее всего, изменения в интонационной структуре текста и связанная с ним перестройка эмоционального содержания стихотворения и принципов коммуникации с читателем были сделаны Боурингом неосознанно. Боуринг «пересоздает» переводимый текст, подсознательно перестраивая его в соответствии с родной ему культурной традицией. Однако некоторые отклонения от оригинала тщательно отрефлексированы переводчиком. Так, в четвертой строфе у Державина появляется развернутое сравнение: «Как в мразный, ясный день зимой / Пылилки инея сверкают, / Вертятся, зыблются, сияют, / Так звезды в безднах под тобой». «Мороз и солнце» – явление, знакомое любому русскому читателю, для соотечественников Боуринга непривычно. Поэтому в переводе от державинской цепочки образов остается только «серебристый снег»: «And as the spangles in the sunny rays / Shine round the silver snow, the pageantry / Of heaven's bright army glitters in Thy praise». (И как блески в солнечных лучах/ Сияют вокруг серебристого снега, пышно зрелище/ Сияющей армии небес сверкает в Твою честь). Сняв страноведческую трудность, Боуринг осознает, что обделяет читателя, поэтому он не только компенсирует эмоциональный посыл дополнительной метафорой, отсутствовавшей в оригинале, но и снабжает эти строки подробным комментарием о русской зиме, что дополнительно подчеркивает их «чуждость».

Самое серьезное сознательное изменение, внесенное Боурингом в текст, касается философского содержания стихотворения. Переводчик открыто признается, что дал собственный вариант первой строфы, так как не согласен с автором в трактовке божественной сущности. (Весьма характерное замечание, учитывая, что Боуринг является выходцем из старинной пуританской семьи, и написанные им псалмы по сей день исполняются в Англии на службах в протестанской церкви.)

Приведенные примеры показывают, что, несмотря на провозглашенную в предисловии задачу точно следовать за оригиналом, перевод оказывается скорее вольным, чем точным. Изменения происходят на всех уровнях структуры стихотворения: метроритмическом, интонационном, образном и философском. Но в то же время, дав себе волю в поэтическом тексте, Боуринг делает все возможное, чтобы английский читатель, тем не менее, получил максимально объективную картину русской поэзии. Упущенные фрагменты оригинальных текстов появляются на метатекстуальном уровне – в комментариях, предисловии и биографических заметках. Так, несколько страниц второго раздела предисловия посвящены экскурсу в историю русского языка, кириллице, русской фонетике, размерам и рифме, что создает объемную картину звукового облика переведенных стихотворений, которой лишается читатель перевода. Боуринг интуитивно уловил одну из характерных черт русской поэзии, отличающих ее, в частности, от английской: нацеленность ее не столько на чтение, сколько на произнесение, звучание, что ставит его в некотором отношении выше даже многих современных переводчиков. Развернутый филологический инструментарий вступления до-

полняет раздел «Биографические и критические замечания», расположенный в конце книги, который снабжает читателя неким реально-историческим фоном для восприятия поэтических текстов.

Русская антология Джона Боуринга – интересное свидетельство развития переводческой традиции в начале XIX в. Очевидно, что переводчик в творческом запале еще не может удержаться от соперничества – и даже философской полемики – с автором, однако он постепено осознает свою ответственность как перед иноязычной поэтической традицией, требующей к себе уважения, так и перед отечественным читателем, ищущим не только приятного чтения, но и адекватного представления о чужой литературе.

Список литературы

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.: Наука, 1984.

Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989.

История Всемирной литературы / под ред. И.А.Тертерян. М.: Наука, 1989. Т.6.

Bowring John. Specimens of the Russian Poets. Boston, 1822.

Ю.А.Сивкова (Киров)

ПОЭЗИЯ МЭТЬЮ АРНОЛЬДА: МЕЖДУ АНТИЧНОСТЬЮ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Поэтическое наследие Мэтью Арнольда, больше известного в отечественной науке в качестве видного английского литературного критика XIX в., представляет собой значимый корпус текстов. Однако в нашей стране на сегодняшний день литературный перевод получили лишь четыре его стихотворных произведения («Дуврский берег», «Шекспир», «К Маргарет», «Школяр-цыган»), а исследования, посвященные поэзии Арнольда, не столь многочисленны как в России, так и за рубежом, и абсолютное большинство их составляют англоязычные источники.

Подобное «невнимание» можно отчасти объяснить нередко встречающимся мнением о том, что критический талант Мэтью Арнольда «буквально заглушил, целиком затмил в нем поэта» [Bryson 1970: 15]. Действительно, можно согласиться с тем, что поэтическое наследие Арнольда едва ли способно встать в один ряд с произведениями величайших поэтов, «грандов» мировой литературы. Нередко исследователи и критики обращают внимание на явные несовершенства и «ошибки» Арнольда-поэта. Так, например, лирическую поэзию Мэтью Арнольда упрекают в несовершенстве и бедности с точки зрения рифмы и метрики, в том, что она порой представляет собой явно прозаические фрагменты, лишь условно разбитые на строфы. Кроме того, Арнольд не всегда успешен в построении драматических диалогов и характеров, зачастую кажущихся в его драмах несколько искусственными.

Но в то же время мастерство Арнольда в жанре элегии и эпической поэмы, например, не вызывает у